

Ольга
Пустошинская

**Илья-царевич и
Оська-шут**

Теремок

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Ольга Пустошинская

Илья-царевич и Оська-шут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68614346

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказка о том, как Илья-царевич ездил с Оськой-шутом к заморской принцессе свататься, что из этого вышло, и ещё чуток – про корчму "Теремок".

Ольга Пустошинская

Илья-царевич и Оська-шут

Не так чтобы далеко, но и не так чтобы близко, в одном государстве жил вдовый царь по имени Еремей с сыном единственным Ильёй-царевичем. Слуг во дворце столько было, что не сочтёшь, собьёшься, а ещё – шутов несколько. Среди них Оська-шут, царский любимец. Умён, хитёр, на язык остёр. Наденет Оська шапку с ослиными ушами и бубенцами серебряными, кувыркается, песни поёт, царя смешит.

И вдруг Еремей стал невесел, не улыбнётся, глаз не подымет.

– Что за невзгода с тобой приключилась, царь-батюшка? – спрашивает Оська.

– Состарился я, – отвечает Еремей, – то рука ноет, то нога ломит. Смертушка не за горами, а я царевича женить не успел.

– Да ты только слово молви, и заморские короли гонцов в сапогах-скороходах пришлют, уж завтра портреты принцесс-невест принесут – выбирай не хочу.

– Верно говоришь!

И двух раз не успело солнце подняться и спрятаться за холмами, как гонцы в сапогах-скороходах доставили портреты заморских принцесс на выданье. Царь посмотрел: хороши принцессы, одна другой краше.

– Ну-ка, Оська, кликни мне царевича. Куда он запропастился?

Шут поклонился и убежал, только бубенцы на шапке зазвенели. Искал он царевича в опочивальне, у конюшен и во дворе, а нашёл на кухне. Там старая нянюшка блины пекла и царевичу на тарелку подкладывала.

– Кушай, кушай, соколик, ты моё ясное солнышко. Разве кто лучше нянюшки испечёт блинчики? А у меня они со сметанкой, с икрой, с клюквой!

Оська-шут шапку с головы сорвал.

– Илья Еремеевич! Не царское это дело на кухне околачиваться! Батюшка ругаться будет. Иди скорее, зовёт он.

Оська по дороге всё ворчал, что царевичи должны на конях скакать, на сабельках биться да указы писать всякие, а не на кухне сидеть, как простое мужичьё.

– А мне нравится! – отвечает Илья-царевич. – Нянюшка лучше всех блины печёт, и меня научила.

Оська даже руками замахал:

– Ох, не царское это дело! Не дай бог, батюшка узнает!

Пришёл к отцу Илья-царевич, до земли поклонился. Посмотрел царь, слезу отёр: хорош царевич! Высок, строен, румян, волосы кольцо в кольцо.

– Вот и вырос ты, Илюшка, как верста коломенская. Женить тебя надобно.

– А не рановато, батюшка?

– В самый аккурат. И невесты для тебя сыскались. Ну-

ка, Оська, шут мой любезный, покажи портреты, которые нынче с гонцами прислали... Вот, гляди-ка, принцесса Марта, дочь короля Густава. Принцесса Вильгельмина... Августина, племянница короля прусского. Выбирай!

Илья-царевич глаза вытаращил на портреты.

– Что ты, батюшка! Мне сперва надо каши накушаться да чаю напиться, чтобы выговорить эти имена заморские! Уж лучше на боярской или купеческой дочке женюсь.

Царь нахмурился, бровями зашевелил.

– Языки знаешь, а имена не выговоришь? О государстве думай в первую голову. Выбирай: или Марта, или Августина, или Вильге... третья, одним словом.

Илья посмотрел на Августину – низковата. Посмотрел на Вильгельмину – старовата. А у Марты личико белое, кудёрушки золотые, платье шёлковое в оборках. И ткнул пальцем:

– Эту.

– Изволь! Собирайся, сын мой, в дорогу. Возьми с собой кошелёк с золотом, ожерелье с драгоценными камнями невесте в подарок, а ещё моего любимого Оську-шута.

– Да ты что, батюшка! Негоже мне с шутком ехать свататься, – испугался Илья-царевич.

– А ты не кривись! Оська не простой мужик, а знатного роду. И умён, и хитёр, и смекалист.

Посмотрел исподлобья Илья:

– Да я и сам, батюшка, не промах.

– Ничего, вдвоем сподручнее.

Недолго в дорогу собирались. Заложили карету, Оська-шут шапку с ослиными ушами на мурمولку¹ поменял и сел на козлы, а Илья-царевич – на подушки бархатные.

Неделю едут, другую. Оська песню унылую затянул, и царевича думы тяжёлые одолели. Развернул холст с Мартиным портретом, вздохнул.

– Хороша принцесса, но не по-людски как-то жениться незнамо на ком... Оська!

– Ась?

– Вот почему батюшка женился на матушке, а я должен на какой-то чужой Марте?

– Это как посмотреть... – отозвался Оська-шут, – вот у меня была собака, и купил я для неё пса. А они друг на дружку волками смотрят, шерсть дыбом. А потом гляжу, хвостами завияли. Так подружились, что водой не разольёшь.

– Да что же ты, Оська, собак и царских особ равняешь? Скажу вот батюшке!

– Не говори, Илья Еремеевич, я шуткую.

Дорога пошла в гору, стала плохой и каменистой. Высунулся из окна Илья-царевич и увидел замок из жёлтого камня. Башни высоченные, а на шпилях флажки развеваются.

Карета проехала через мост над обрывом, потом – через громадные чёрные ворота и очутилась на королевском дворе.

¹ Мурمولка – высокая шапка с большими меховыми отворотами.

Встретили Илью придворные, спросили не по-русски, кто таков и откуда. А царевич-то не промах, языки знал.

– Я царевич Илья, свататься приехал к вашей принцессе Марте.

Придворные закивали, кланяться да приседать начали.

Повели царевича и Оську-шута со всеми почестями во дворец, в покои королевские. А по дворцу люди ходят разряженные, в штанишках коротеньких, как у малых ребят, а на головах волосы чудные белые.

Показали царевичу опочивальню, всю шёлком голубым обитую, кровать громадную под балдахинном.

На другой день во дворец на бал великое множество людей собралось. Кареты одна за другой подъезжали, из них выходили гости, все в шелках и парче, на головах – шляпы с перьями, на ногах – чулки.

Царевича и Оську-шута проводили слуги в королевский зал, такой высокий, что шапка с головы упадёт, если вверх смотреть. Люстры огромные о тысяче свечей, стены золочёными узорами расписаны, лестница мраморная вверх тянется.

– Красиво здесь, Оська? – спрашивает царевич.

А Оська посмеивается:

– У нашего царя хоромы лучше.

По залу ходят принцы и королевичи из разных государств, меж собой беседуют. Послушал Илья, о чём они говорят, и ахнул:

– Оська, да ведь это всё женихи! Принцесса выбирать будет того, кто ей приглянется.

Оська-шут губу выпятил:

– Что ты, Илья Еремеевич, это ж разве женихи? Хлипкие какие-то, пудра с них сыплется. Принцесса ихняя тебя выберет, вот увидишь!

Вдруг тишина наступила, а потом раздались крики: «Король Густав! Король Густав идёт!» Илья глянул на лестницу и увидел маленького, лысенького человечка, мантия длинная из горностая по полу волочится. А за ним королева с принцессой идут в платьях из золотой парчи, драгоценностями обвешаны. А Марта-то, Марта! Вся в папеньку уродилась: такая же низенькая, кругленькая, как бочонок, нос на семерых рос, ей одной достался. Ничуть на портрет не похожа, который с гонцом прислали.

Илья-царевич глаза протёр.

– Оська, глянь-ка на принцессу! Ведь не та, что на портрете.

– Не та, – почесал затылок Оська, – малевщику, небось, сказали: «Малой так, чтобы принцесса женихам понравилась». А тот что, человек подневольный... Говорят, у короля дракон огнедышащий есть, каждый день ему неугодных скармливают. Не охота малевщику в драконью пасть, вот и намалевал.

Царевич брови нахмурил:

– Пойдём отсюда, Оська. Обманщики они.

Но не успел договорить, как подошёл советник короля, человек важный, щёки красные, орден на груди. Пожалуйте к принцессе, говорит, и к Марте повёл.

– Его высочество царевич Илья, сын царя Еремея!

Поклонился царевич принцессе, ларец с подарком открыл, у её ног поставил.

Улучил Илья минутку, подозвал шута:

– Запрягай коней, Оська. Уедем отсюда.

Они – к дверям, а придворные окружили, приседают, кланяются. Принцесса с царевичем танцевать желает, говорят, извольте идти.

Марта веер отложила, руку Илье протягивает. Царевич ни жив ни мёртв. На принцессу не смотрит, менуэт танцует, как на ходулях ходит, и думает: «Хоть бы музыканты играть перестали».

И вдруг за спиной шепоток пробежал: «Кого принцесса на танец пригласила, того в мужья и выбрала».

Света белого невзвидел царевич, решил уехать этой же ночью. Подозвал Оську и говорит:

– Как бы меня дракону на съедение не отдали. Не хочу жениться на принцессе, не приглянулась она мне.

– А ты приглянулся, она как моя собака хвостом виляет, – заметил Оська.

– Она виляет, я – нет. А ну как рассердятся король с королевой, запихнут меня в подвал, и поминай как звали. Что хочешь делай, но выведи из конюшни лошадей и карету и

жди меня за мостом. Марта небось не обидится, вон сколько женихов ещё осталось.

Закивал Оська-шут:

– Будет сделано.

Илья выждал время, вещички забрал – и вон из дворца.

Через ворота повозки с провизией для гостей ехали, а назад порожние возвращались. Царевич вышел, стражники на него не взглянули.

Пробежал Илья мост, а внизу Оська с каретой ждёт, всё сделал, как велено было. Сел царевич на подушки бархатные, достал из-за пазухи портрет принцессы и в обрыв кинул.

– Прощай, принцесса Марта. Бог даст, не свидимся.

– Что-то батюшка теперь скажет... – вздохнул Оська-шут, – ой не похвалит он тебя, Илья Еремеевич! Осерчает как пить дать.

– Осерчает... что ж!

Ехали ночами тёмными, боялись, что король погоню снарядит, днём в лесу отсиживались. Долгонько добирались царевич с Оськой, тридцать раз солнце успело взойти на небо. Но вот острые крыши и купола царского дворца показались.

Слуги увидели карету, во двор высыпали. Плачут, в ноги кланяются – так обрадовались, что живой-здоровый царевич вернулся. Ведь ни слуху ни духу о нём не было.

Царь обнял Илью, прослезился.

– От короля Густава гонцы в сапогах-скороходах прилетали, сказали, что ты пропал, как сквозь землю провалился.

Нашёлся! Принцесса тебя в мужья выбрала, теперь весёлым пирком да за свадебку!

– Не будет свадьбы, – покачал головой Илья.

– Это почему не будет?

Как узнал Еремей, что сбежал царевич от принцессы, опечалился.

– Воля твоя. Не хочешь Марту, женись на другой. Вот на медни гонцы были, ещё портреты принесли.

– Нет, батюшка, довольно принцесс заморских.

Еремей глазами сверкнул.

– О государстве ты подумал? Испокон веков мы заморских в жёны брали.

Илья в отказ. Ух, как рассердился царь, ногами затопал:

– Молоко на губах не обсохло! Поди прочь, щенок, вон из дворца, пока дурь из головы не выйдет!

– И уйду!

Схватил Илья шапку соболью и ушёл. Оська-шут за ним бежать хотел, но на царя глянул и заробел.

– Чего стоишь, олух! – напустился Еремей. – Беги за царевичем, чтобы ни один волос с его головы не упал!

Оська подхватил котомку с вещами, догнал Илью, закричал:

– Обожди, я с тобой!

Царевич остановился.

– Зачем со мной, Оська-шут? Идти мне некуда, разве что в берлогу медвежью. Ничего я не умею, только указы разные

подписывать и сабелькой махать. Пропадёшь ты со мной.

– Авось не пропаду. В избушку лесничего пойдём. А не найдём избушки, так и берлога медвежья сгодится.

Царевич и шут свернули в лес, отыскиали избушку лесничего. Внутри – печка, стол и лавка. Илья на печь забрался, Оська на лавке лёг. Молчат, думы думают каждый свою.

– Вернись к батюшке, Илья Еремеевич, – стал уговаривать Оська.

– Не вернусь. Лучше в лесу жить, чем с драконихой.

– А есть-пить что будешь?

Царевич задумался:

– Колечко у меня есть с драгоценным камешком. Вот ты завтра пойдёшь на торжище и продашь его.

Чуть свет собрался Оська-шут на торжище, колечко царевича в платочек завязал и в карман спрятал, чтобы не потерять. Пришёл и видит: стоит добрый молодец, красавец красавцем, и держит на ремне чёрный ящик. А внутри под стеклом, на синем бархате лежат золотые кольца, броши, цепочки, часы, серьги...

– Мил-человек! – окликнул Оська. – Не купишь ли у меня кольцо? Хорошее кольцо, дорогое.

Развязал Оська платок. Кольцо так и засияло.

Молодец глаза вытаращил:

– Богатое кольцо. Беру, сторгуемся!

Ударили по рукам, Оська деньги в кошель пересыпал. Решил походить, купить чего-нибудь царевичу. Набрал крен-

делей румяных, огурцов, яблок краснобоких.

Вдруг слышит, что зовёт его кто-то:

– Добрый человек! Купи у меня рушник!

Обернулся Оська-шут и увидел старушку маленькую да горбатенькую с рушником диковинным. Никогда Оська таких не видел: с одной стороны белый, с другой – красный, золотые птицы и цветы по краям вышиты.

Жалко стало Оське старушку. Думает, куплю рушник царевичу утираться.

– Почём продаёшь?

– Золотую монету прошу.

Оська попятился.

– Золотую монету за какой-то утиральник! Да ты что, белены объелась, бабка?

Та смеётся:

– Не белены, а блинов. Это не простой рушник – волшебный. Расстелешь его белой стороной, поставишь блюдо – а на нём блины появятся. И со сметаной, и с икрой, и с мёдом – каких пожелаешь. Расстелешь красной стороной – пирожков отведаешь.

– Да ты шутки шутишь, старая!

– Не веришь? Ну смотри!

Расстелила бабка рушник на коленях красной стороной, блюдо сверху поставила. Оська глазам не поверил: лежат на блюде пирожки румяные, дух сытный идёт от них.

Отведал один – вкусно.

– А давай, покупаю!

Заплатил Оська золотую монету за рушник, блюдо в придачу взял. Только уходить собрался, как рядом старичок словно из-под земли вырос, весь белой бородой зарос. Самовар в руках держит.

– Не нужен ли тебе самовар, добрый человек?

– Самовар-то нужен, – почесал вихры Оська, – а сколько просишь за него?

– Одну золотую монету и одну серебряную, – отвечает старичок.

– Эх тебя! Ищи другого простофилю.

– То не простой самовар, а волшебный. Налъёшь воду – он сам закипит, щепок и шишек не надо. А чай-то какой! Вкусный, душистый, на травах. Пойдём к колодцу и проверим.

Пошёл Оська со старичком к колодцу, плеснул из ведра воды в самовар, и тот безо всяких дров стал носиком насвистывать. Заплатил Оська старичку, унёс с собой самовар.

Прибежал к царевичу в избушку.

– Ну, Илья Еремеевич, смотри, что я купил! Золотыми монетами заплатил.

Схватился за голову царевич:

– Да ты что, Оська-шут, погибели моей хочешь?

– Не погибели – жизни хочу. Смотри!

Расстелил на столе рушник, блюдо поставил. Глядь – а на нём блины с мёдом. Горячие, румяные. Перевернул полотенце другой стороной – пирожки с картошкой появились. На-

лил воды в самовар – он сам по себе закипел.

Взял царевич блин, отведал, чаю попил.

– Что за диво! Чай не хуже царского, а блины как у нянюшки.

– И с мёдом, и с творогом, и с мясом – какие задумаешь. Всё волшебный рушник умеет, старушка сказывала.

– А зачем мне столько блинов и пирожков? – спрашивает царевич.

– Завтра ярмарка начнётся. Лоток сделаем или прилавок какой-нибудь. Я буду прибаутками да частушками народ зазывать, а ты – пирожки продавать и чай наливать.

Царевич насупился:

– Чтобы я, царский сын, на ярмарке торговал?!

– Воля твоя. Не хочешь – не надо. Возвращайся к бабушке, на пуховой перине будешь спать, вкусно есть да сладко пить. Женишься на принцессе заморской...

– Нет уж, – мотнул головой Илья, – лучше на ярмарку.

– Ну а коли так, то лоток надо смастерить какой ни на есть.

Отыскал Оська топорик да пилу, срубил берёзку, обтесал, распилил и лоток сделал.

Поутру стали собираться на ярмарку, а царевич печалится.

– Как мне быть, Оська-шут, каждая собака меня знает. Приду на ярмарку, народ смеяться начнёт и пальцем показывать. Царевич, а блинами торгует! Дай ты мне лучше одёжку свою шутовскую да лицо размалюй, чтобы никто меня не

узнал.

Оська так и сделал. Дал царевичу кафтан да штаны, лицо набелил, нарумянил. Взял Илья волшебный рушник и пошёл с Оськой на ярмарку. А народу там, народу! Шумно, весело... В глазах рябит от пёстрых платков и сарафанов. Детвора на каруселях катается, леденцы сосёт, орешки щёлкает. Медведь учёный на задних лапах ходит. Нарядные квасники продают квас и кричат:

*Вот так квас —
В самый раз!
Баварский со льдом —
Даром денег не берём!
Пробки рвёт!
Дым идет!
В нос шибает!
В рот икает!*

Стоит царевич со своим лотком, растерялся. Оська-шут свистнул и запел:

*Сударь, сударыньки,
Мужички да бабоньки,
Навались, торопись,
пирожки испеклись!
Съешь блин со сметаной —*

Будешь ходить павою.

Людям понравилось, как Оська нахваливает товар. Достали они из карманов кошелёчки и стали спрашивать:

– А с мясом есть?

– Есть

– А с капустой?

– А то.

– А с потрошками?

– И с потрошками имеются!

Подошла со своими мамками да няньками красавица-девица, глаз не отвести. Залюбовался ею царевич, блины с икрой подарил и денег не взял.

– Как тебя зовут, красавица?

Та зарумянилась и ещё краше стала, глаза опустила.

– Эге, Илья Еремеевич, – хихикнул Оська-шут, – я вижу, что хвосты у вас обоих виляют!

Няньки напустились на царевича:

– Ах ты пройдоха! Как ты смеешь с купеческой дочкой заговаривать, не спросившись?!

Царевич хотел было сказать: «Это вы должны поклоны мне отвешивать, потому как я – царевич Илья, сын государя», но не сказал, вспомнив про шутовской наряд. Потянули няньки девицу прочь, а она обернулась и засмеялась.

– Ульяна зовут меня!

Больше царевич и не видел ничего, только глаза её синие.

На другое утро сам Оську на ярмарку позвал, вдруг, думает, Ульяна придёт. Продаёт пирожки и блины, монетки в кошель складывает, а сам по сторонам смотрит: не мелькнёт ли где сарафан голубой. И вдруг увидел её одну, без нянек, и сердце трепыхнулось. Окликнул Ульяну, пирожками угостил.

Говорит ей:

– Приходи на речку, я ждать буду. Ты не думай, я не ба-сурман какой-нибудь. Аль тебе с шутком зазорно рядом стоять?

Фыркнула Ульяна:

– Коль зазорно было бы, так и не подошла бы. Лицо у тебя хоть и размалёванное, а пригожее. И добрый ты, сразу видно. Приду!

Вернулся с ярмарки Илья-царевич, смыл краску с лица, надел кафтан расшитый, подпоясался кушаком шёлковым, шапку взял, мехом отороченную, и пошёл к реке.

Ждёт-пождёт – нет Ульяны. Опечалился Илья. И тут услышал голосок тоненький.

– Заждался? Насилу убежала. Батюшка и матушка строгие у меня. – Ульяна посмотрела на царевича, на кафтан его, золотом расшитый: – А ты красивый, и одежда у тебя справная. Такую только бояре носят. Откуда она у тебя?

Думает Илья: «Не хочу небылицы плести, негоже любовь с обмана начинать», – и признался. Ульяна испугалась, до земли кланяться начала.

Остановил её царевич:

– Не кланяйся мне, красавица. Был я царевичем, а теперь шут гороховый. Не убегай, Ульянушка!

Встретились они и второй раз, и третий. Так полюбилась царевичу Ульяна, что хоть сейчас жениться готов. Задумал денег накопить и построить корчму. Кашу, похлёбку, блины и пирожки на стол подавать. На рушник волшебный не гоже надеяться, самому уметь надобно.

На другое утро ушёл Оська один на торжище, а Илья остался в избушке блины стряпать. Не такое простое дело оказалось: первый блин к сковородке прилип, второй получился комом, третий сгорел.

– Вот бы нянюшку сюда, она бы подсказала, – пожалел царевич.

Весь день с тестом возился, и наконец-то блины стали выпекаться румяные и вкусные.

Вернулся Оська-шут, царевич ему блюдо показывает.

– Отведай, Оська, как у нянюшки блины получились.

Шут отведал и похвалил:

– Вкусны у тебя блины!

Мало ли, много ли времени прошло, скопил денег Илья. Нанял плотников, и затюкали топоры, зазвенели пилы, выросла на торжище корчма. Красивая, бревенчатая, на терем похожа. Вывеску пёструю Оська-шут намалевал: «Теремок».

По городу слух пошёл, что в «Теремке» царевич, которого государь из дома выгнал, блины печёт. Любопытно народу:

неужто сам царский сын со сковородкой стоит? Быть такого не может! Повалили в корчму люди, Оська-шут не успевал поворачиваться. Глядят: и правда Илья у печки стоит, нос в муке. Да так ловко управляется, любо-дорого смотреть.

Заслал царевич сватов к Ульянину отцу. Тот от удивления языка лишился: сын царя к дочке сватается! Согласился отдать в жёны Ульяну и приданое богатое посулил.

– Всё хорошо и ладно, только помирить царевича с батюшкой надобно! – решил Оська-шут. Надел шапку с ослиными ушами и к Еремею пошёл.

– Что хорошего скажешь, Оська? Неужто царевич дурить перестал и во дворец желает вернуться?

– Нет, царь-батюшка. – И рассказал Оська про житьё-бытьё.

– Так-таки и не хочет царевич возвращаться?.. Говоришь, корчмы по всему царству строить будет? «Теремок»! Ишь ты!.. Ох, тоска меня гложет, Оська-шут. Ты хоть развесели меня.

– Недосуг мне, царь-батюшка, к свадьбе надобно готовиться.

– Царю перечишь, шут?! Что за свадьба, отвечай толком. Оська вытащил куколок, которые на руки надеваются, – добра молодца и красну девицу – и пропел:

*У них товар, у нас купец,
Илья-царевич молодец.*

*Посватался к Ульянушке,
Ясноглазой павушке.*

– Что мелешь, к кому посватался? – осерчал царь.

– К дочке богатого купца Ивана, Ульяне. Хороша девица. скромна, ликом красива, к людям добра.

– К купчихе! Благодарствую, что не крестьянку выбрал!

Оська-шут головой тряхнул, бубенцы зазвенели.

– А вспомни, царь-батюшка, как твой прапрадед на лягушке женился. Он, поди, и рад-радёшенек был бы на купеческой дочери, а пришлось на лягушке. А братья его на...

– Мелешь незнамо что. Лягушка, она же заколдованной царевной оказалась. Пошёл вон, Оська!.. Нет, обожди. Скажи царевичу, что жду я его.

– Отчего не сказать, скажу.

Пришёл Илья-царевич к батюшке. Тот исподлобья смотрит, брови хмурит.

– Что же ты, сын, жениться собрался, а родительского благословения не просишь?

Илья в ноги упал:

– Благослови, батюшка!

Царь подобрел, хмуриться перестал и благословил царевича.

Обвенчался Илья со своей невестой, свадьбу сыграли весёлую. Стал царевич с молодой женой во дворце жить, а Оська-шут за корчмой приглядывать.

С тех пор по всему царству-государству Илья-царевич корчмы «Теремок» построил, а доход – в казну. Волшебный рушник у Ульяны-царевны в ларце хранится. По великим церковным праздникам выходит она на площадь и народ блинами и пирожками угощает. А самовар, который без дров кипит, по сию пору на царской кухне носиком посвистывает.